

**ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА.
ЧАСТЬ 4. ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ГУИГНГНМОВ**

1726, выдержки Дятловых от 14.03.2023, 1–8/91=91%

Благородный дикарь (фр. *bon sauvage*) — тип персонажа, особенно популярный в литературе эпохи Просвещения (XVIII век). Призван иллюстрировать **врождённую добродетельность человека до его соприкосновения с цивилизацией**. Уже шумеры противопоставляют **деревенскую простоту** нравов городскому разврату. Энкиду может считаться древнейшим примером благородного дикаря. Обитатели античных полисов восхищались простодушием и самоотверженностью **варварских народов**. Так, Гомер идеализировал **пастухов** Аркадии, Гораций завидовал участи мужественных **скифов**, а Тацит ставил в пример своим соотечественникам германцев. В эпоху Великих географических открытий интерес к «**первобытным**» людям, **не испорченным цивилизацией**, получил новый импульс. Мишель Монтень с глубокой симпатией описывает жителей Нового света в своём эссе «О каннибалах». Образ «благородного дикаря» занимает большое место уже в самых ранних романах Нового времени. Одним из претендентов на звание первого «современного» романа является «Оруноко» Афры Бен (1688) — рассказ о **возвышенном африканском принце**, попавшем в рабство к англичанам в Суринаме. Чертами «благородного дикаря» наделён и **Пятница** в «Робинзоне Крузо». Образцовый «благородный дикарь» этого времени — Простодушный Вольтера. В эпоху сентиментализма образ «благородного дикаря» становится одним из самых популярных. Жан-Жак Руссо в трактате «Эмиль» (1762) ополчается против развращающего влияния современного образования и восхваляет природную добродетельность человека. Идеализированные образы **дикарей** проходят через ранние повести Шатобриана («Атала» и «Рене» — обе 1801). Образы **благородных индейцев** — Чингачгука в романах Фенимора Купера, Квикега в «Моби Дике», Оцеолы Майн Рида — принадлежат к числу самых ярких в американской литературе эпохи **романтизма**. В русской же литературе черты благородных дикарей начиная с «Бедной Лизы» Карамзина и «Аммалат-бека» Марлинского переносятся на русских **крестьян** либо **кавказских горцев**. **Сентиментальной идеализацией крестьянства** отмечены многие произведения классической русской литературы, в частности, тургеневские «Записки охотника». С наступлением эпохи реализма тип «благородного дикаря» в «высокой» литературе вымирает, вытесняясь в приключенческую беллетристику Жюль Верна и Майн Рида, а у благородных индейцев принимают эстафету Тарзан, Маугли, Конан-Варвар и Дерсу Узала. Первый из них благороден не только по нраву, но и по крови: его отцом назван британский лорд. **В блокбастере Джеймса Кэмерона «Аватар» врождённое благородство приписано инопланетянам, не затронутым тлетворным влиянием современной цивилизации.**

[«Благородный дикарь»](#) (Википедия)

Выдающийся итальянский исследователь фольклора Дж. Коккиара недавно написал: «перед тем, как быть открытым, дикарь был вначале придуман». Это остроумное наблюдение не лишено смысла. Шестнадцатое, семнадцатое и восемнадцатое столетия создали тип «благородного дикаря» как критерий для своих моральных, политических и социальных изысканий. Идеалисты и утописты, похоже, были до безумия увлечены «дикарями», особенно их поведением в отношении семейной жизни, общества и собственности; завидовали их свободе, справедливому и беспристрастному разделению труда, блаженному существованию на лоне природы. Но это «изобретение» дикаря, близкого по духу чувственности и идеологии семнадцатого и восемнадцатого веков, было лишь реализацией в радикально секуляризованной форме намного более древнего мифа — мифа о земном Рае и его обитателях в сказочные времена до начала истории. <...> Рассматривая материалы по этому вопросу, мы видим, что прежде чем было составлено досье тогда еще не родившейся этнографии, дневники путешественников, побывавших в неизведанных странах, читались и высоко ценились по особой причине — так как они описывали счастливое человечество, которому удалось избежать злодеяния цивилизации, и

так как они представляли модели утопических обществ. <...> Иезуиты [например — Н.Д.] сравнивали дикарей с древними греками, а Фр. Лафито в 1724 году обнаружил среди них последние живые следы древности. Лас Касас не сомневался в том, что утопии шестнадцатого столетия могут быть осуществлены; а иезуиты лишь реализовали его заключения, основав свое теократическое государство в Парагвае. <...> Миф о благородном дикаре был лишь возрождением и продолжением мифа о Золотом Веке, то есть о совершенстве начала вещей. <...> Сразу же бросается в глаза та деталь, что «благородный дикарь», описанный мореплавателями и превознесенный идеалистами во многих случаях принадлежал к обществу каннибалов. Путешественники не делали из этого тайны. <...> Гарсиласо де ла Вега в отношении инков пошел еще дальше. Он восхвалял империю инков как пример идеального государства; добродетель и счастье туземцев должны были служить примером европейскому миру. Правда, Гарсиласо де ла Вега добавляет, что до господства инков каннибализм был распространен по всему Перу, и подробно останавливается на пристрастии этих туземцев к человеческой плоти (Это было утверждение хорошо осведомленного человека; районы Перу и верхней Амазонки пользуются печальной известностью в летописях антропофагии, и до сегодняшнего дня там еще находят племена каннибалов). <...> Данный факт говорит о том, что бессознательное западного человека не оставило древнюю мечту — отыскать современника, все еще живущего в земном раю. Поэтому вся литература о дикарях является ценным материалом для изучения мышления западного человека: она раскрывает его стремление к условиям Эдема — стремление, которое к тому же подкрепляется многими другими райскими образами и отношениями — тропическими островами и изумительными пейзажами, блаженной наготой и красотой туземных девушек, сексуальной свободой и так далее. <...> люди эпохи Возрождения, также как и люди средних веков и периода классицизма, хранят в памяти мифическое время, когда человек был неиспорченным, совершенным и счастливым; и в аборигенах, обнаруживаемых ими в то время, они ожидали увидеть современников той изначальной, мифической эпохи. <...> Было бы уместно, продолжая наши исследования, задать вопрос: что же сами дикари думали о себе как они оценивали свою свободу и счастье? Во времена Монтеня и Лафита рассмотрение этого вопроса было бы немыслимым; но современная этнология сделала такое рассмотрение возможным. Поэтому давайте оставим мифологии западных утопистов и идеалистов и рассмотрим таковые недавно открытых «добрых дикарей». <...> Дикари в свою очередь, также считали, что утратили первобытный рай. Иными словами, мы можем сказать, что дикари, не более и не менее, чем западные христиане, считали, что пребывают в «нашем» состоянии по сравнению со сказочно счастливым положением дел в прошлом. Их реальные условия существования отличались от изначальных, что было вызвано катастрофой, произошедшей *in illo tempore*. До этой катастрофы человек наслаждался жизнью, подобной жизни Адама до того, как он согрешил. Мифы о Рае, без сомнения, имели различия у представителей разных культур, но некоторые общие черты повторялись постоянно: в то время человек был бессмертен и мог стать лицом к лицу с Богом: он был счастлив и ему не нужно было работать ради пропитания; едой его обеспечивало или дерево, или сельскохозяйственные инструменты работали на него сами по себе, как автоматы. В этих райских мифах имеются и другие, в равной мере важные элементы (отношение между небом и землей, власть над животными и тому подобное), но здесь мы воздержимся от их анализа.

Элиаде М., «Миф о благородном дикаре, или престиж начала» (1959)

В истории английской стратегической разведки, которая увлекалась этими играми больше, чем любая другая стратегическая разведка мира, таких людей было немало. И чаще всего они обладали незаурядными способностями к художественному творчеству, демонстрируя исключительные результаты на основе синтеза право- и левополушарной деятельности, понятийного и образного начала. А также на основе иных, еще более нетривиальных синтезов. К числу таких людей относился не только Киплинг, являвшийся одним из создателей так называемой этнической, то есть стратегической по своей сути разведки. Тут мы вправе обсуждать и таких создателей высшей стратегической английской разведки, как **Джонатан Свифт**, Даниэль Дефо или сам великий Уильям Шекспир.

Кургинян С. Е., «Судьба гуманизма в XXI столетии — 171 (ГСВ-№350)» (29.10.2019)

1. Тут я испугался, что мне придется умереть с голоду, если я не встречу здесь человека, подобного мне; что же касается трех гнусных еху, то хотя мало найдется больших поклонников рода человеческого, чем я был в ту пору, но, признаюсь, никогда я не видел столь отвратительных во всех отношениях одушевленных существ; и чем ближе я с ними знакомился во время моего пребывания в этой стране, тем более усиливалась моя ненависть к ним. Заметя это отвращение по моим жестам, конь-хозяин велел отвести еху обратно в хлев.
2. Им казалось каким-то чудом, что грубое животное обнаруживает свойства разумного существа.
3. еху (на которых, по его мнению, я был поразительно похож головой, руками и лицом, то есть теми частями тела, которые не были закрыты одеждой), при всех свойственных им задатках хитрости и большом предрасположении к злобе, поддаются обучению хуже всех других животных.
4. Слово «гуигнгнм» на языке туземцев означает лошадь, а по своей этимологии — совершенство природы.
5. Что же касается лично меня, то, если ему угодно, я готов немедленно представить доказательство справедливости сказанного мной; я только прошу извинения, что не обнажу перед ним тех частей тела, которые сама природа научила нас скрывать. Выслушав меня, хозяин сказал, что вся моя речь показалась ему крайне странной и особенно ее последняя часть; он не мог понять, каким образом природа может научить нас скрывать то, что сама же дала нам.
6. Тогда я сказал ему, что корабль был построен такими же существами, как и я, которые во всех странах, где мне приходилось путешествовать, так же как и в моем отечестве, являются единственными разумными творениями, господствующими над всеми остальными животными;
7. И я помню, что когда в моих продолжительных беседах с хозяином о качествах людей, живущих в других частях света, мне приходилось упоминать о лжи и обмане, то он лишь с большим трудом понимал, что я хочу сказать, несмотря на то что отличался большой остротой ума. Он рассуждал так: способность речи дана нам для того, чтобы понимать друг друга и получать сведения о различных предметах; но если кто-нибудь станет утверждать то, чего нет, то назначение нашей речи совершенно извращается, потому что в этом случае тот, к кому обращена речь, не может понимать своего собеседника; и он не только не получает никакого осведомления, но оказывается в состоянии худшем, чем неведение, потому что его уверяют, что белое — черно, а длинное — коротко. Этим и ограничивались все его понятия относительно способности лгать, в таком совершенстве известной и так широко распространенной во всех человеческих обществах.
8. Я отвечал, что буду повиноваться, и признался, что наши гуигнгнмы, которых мы называем лошадьми, самые красивые и самые благородные из всех животных; что они отличаются силой и быстротой, и когда принадлежат особам знатным, то ими пользуются для путешествий, для бегов, запрягают в колесницы и обращаются с ними очень ласково и заботливо, пока они здоровы и ноги у них крепкие, но едва только силы изменяют им, как их продают и пускают во всевозможную грязную работу, за которой они и умирают; а после смерти с них сдирают кожу, продают ее за бесценок, труп же бросают на съедение собакам и хищным птицам. Но судьба лошадей простой породы не так завидна. Большая часть их принадлежит фермерам, извозчикам и другим низкого звания людям, которые заставляют их исполнять более тяжелую работу и кормят их хуже.
9. но пусть его милость благоволит принять во внимание, что, подобно здешним еху, наши гуигнгнмы не обладают ни малейшими проблесками разума.
10. язык гуигнгнмов не отличается обилием и разнообразием слов, ибо потребностей и страстей у них меньше, чем у нас.
11. Он согласился с тем, что если есть страна, в которой только одни еху одарены разумом, то по всей справедливости им и должно принадлежать господство над остальными животными, так

как разум в конце концов всегда возобладает над грубой силой; но, рассматривая внимательно строение нашего тела, в частности моего, он находит, что ни одно животное одинаковой с нами величины не является так худо приспособленным для употребления этого разума на службу повседневным жизненным потребностям.

12. Хозяин ответил мне, что я действительно отличаюсь от других еху, что я гораздо опрятнее их и далеко не так безобразен, но с точки зрения подлинных преимуществ сравнение с ними будет, по его мнению, не в мою пользу. Так, мои ногти мне совсем ни к чему ни на передних, ни на задних ногах; передние мои ноги, собственно, нельзя даже назвать ногами, так как он никогда не видел, чтобы я ходил на них; они слишком нежны, чтобы выдержать соприкосновение с твердой землей, и я по большей части держу их открытыми, а если иногда и закрываю, то покровы эти не той формы и не так прочны, как те, что я ношу на задних ногах; таким образом, я не могу ходить уверенно, потому что если одна из моих задних ног поскользнется, то я неизбежно должен упасть. Затем он стал находить недостатки в остальных частях моего тела: плоское лицо, выдающийся нос, глаза, помещенные прямо во лбу, так что я не могу смотреть по сторонам, не поворачивая головы, не могу есть, не прибегая к помощи передних ног, для чего, вероятно, природа и наделила их столькими суставами. Он не понимал назначения расчлененных отростков на концах моих задних ног; по его мнению, не покрытые кожей какого-нибудь другого животного, они слишком нежны для твердых и острых камней, да и все мое тело не имеет никакой защиты от стужи и зноя, кроме платья, и я обречен на скучное и утомительное занятие ежедневно надевать и снимать его. Наконец, по его наблюдениям, все животные этой страны питают инстинктивное отвращение к еху, причем более слабые убегают от них, а те, что посильнее, прогоняют их от себя. Таким образом, если даже допустить, что мы одарены разумом, все же непонятно, как мы могли не только победить эту общую к нам антипатию всех живых существ, но даже приручить их и заставить служить себе.
13. моя родина находится под управлением самки той же породы, что и я, которую мы называем королевой;
14. Он был в полном недоумении, что могло побудить или вынудить этих людей предаваться таким порокам. Чтобы уяснить ему это, я постарался дать ему некоторое представление о свойственной всем нам ненасытной жажде власти и богатства, об ужасных последствиях сластолюбия, невоздержанности, злобы и зависти.
15. Но, обладая от природы большим умом, укрепленным размышлением и беседами, он в заключение довольно удовлетворительно уяснил себе, на что бывает способна природа человека в наших странах, и пожелал, чтобы я дал ему более подробное описание той части света, которую мы называем Европой, и особенно моего отечества.
16. побуждающим одно государство воевать с другим. Я отвечал, что их несчетное количество, но я ограничусь перечислением немногих, наиболее важных. Иногда таким поводом является честолюбие монархов, которым все бывает мало земель или людей, находящихся под их властью; иногда — испорченность министров, вовлекающих своих государей в войну, чтобы заглушить и отвлечь жалобы подданных на их дурное управление. Различие мнений стоило многих миллионов жизней; например, является ли тело хлебом или хлеб телом; является ли сок некоторых ягод кровью или вином; нужно ли считать свист грехом или добродетелью; что лучше: целовать кусок дерева или бросать его в огонь; какого цвета должна быть верхняя одежда: черного, белого, красного или серого; какова она должна быть: короткая или длинная, широкая или узкая, грязная или чистая, и т. д. и т. д. Я прибавил, что войны наши бывают наиболее ожесточенными, кровавыми и продолжительными именно в тех случаях, когда они обусловлены различием мнений, особенно, если это различие касается вещей несущественных.
17. Иногда ссора между двумя государями разгорается из-за решения вопроса, кому из них надлежит низложить третьего, хотя ни один из них не имеет на то никакого права. Иногда один государь нападает на другого из страха, как бы тот не напал на него первым; иногда война начинается потому, что неприятель слишком силен, а иногда, наоборот, потому, что он слишком слаб. Нередко у наших соседей нет того, что есть у нас, или же есть то, чего нет у нас; тогда мы деремся, пока они не отберут у нас наше или не отдадут нам свое.

18. Кровное родство или брачные союзы являются весьма частой причиной войн между государями, и чем ближе это родство, тем больше они склонны к вражде.
19. По всем этим причинам ремесло солдата считается у нас самым почетным, так как солдат есть еху, нанимающийся хладнокровно убивать возможно большее число подобных себе существ, не причинивших ему никакого зла.
20. он опасается, что развращенный разум, пожалуй, хуже какой угодно звериной тупости. Поэтому он склонен думать, что мы одарены не разумом, а какой-то особенной способностью, содействующей росту наших природных пороков, подобно тому как волнующийся поток, отражая уродливое тело, не только увеличивает его, но еще более обезображивает.
21. однако он недоумевал, каким образом закон, назначение которого охранять интересы каждого, может привести кого-нибудь к разорению.
22. по его мнению, природа и разум являются достаточными руководителями разумных существ, какими мы считаем себя, и ясно показывают нам, что мы должны делать и чего должны избегать.
23. Во-первых, мои стряпчий, привыкнув почти с колыбели защищать ложь, чувствует себя не в своей стихии, когда ему приходится отстаивать правое дело, и, оказавшись в положении неестественном, всегда действует крайне неуклюже и подчас даже злонамеренно.
24. Выступая всю свою жизнь против истины и справедливости, судьи эти с роковой необходимостью потворствуют обману, клятвопреступлению и насилию, и я знаю, что сплошь и рядом они отказываются от крупных взяток, предлагаемых им правой стороной, лишь бы только не подорвать авторитет сословия совершением поступка, не соответствующего его природе и достоинству.
25. В этом судейском сословии установилось правило, что все однажды совершенное может быть законным образом совершено вновь; на этом основании судьи с великою заботливостью сохраняют все старые решения, попирающие справедливость и здравый человеческий смысл. Эти решения известны у них под именем прецедентов; на них ссылаются как на авторитет, для оправдания самых несправедливых мнений, и судьи никогда не упускают случая руководствоваться этими прецедентами.
26. Следует также принять во внимание, что это судейское сословие имеет свой собственный язык, особый жаргон, недоступный пониманию обыкновенных смертных, на котором пишутся все их законы.
27. В ответ на это я уверил его милость, что во всем, не имеющем отношения к их профессии, они являются обыкновенно самыми невежественными и глупыми из всех нас, неспособными вести самый простой разговор, заклятыми врагами всякого знания и всякой науки, так же склонными извращать здравый человеческий смысл во всех других областях, как они извращают его в своей профессии.
28. Мой хозяин все же был совершенно не способен понять, что заставляет это племя законников тревожиться, беспокоиться, утруждать себя и вступать в союз с несправедливостью только ради причинения вреда своим ближним;
29. Я сказал также, что богатые пожидают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача, и что громадное большинство нашего народа принуждено влачить жалкое существование, работая изо дня в день за скудную плату, чтобы меньшинство могло жить в изобилии.
30. Я объяснил ему, что вино, привозимое к нам из чужих стран, служит не для восполнения недостатка в воде и в других напитках, но влага эта веселит нас, одурманивает, рассеивает грустные мысли, наполняет мозг фантастическими образами, убаюкивает несбыточными надеждами, прогоняет страх, приостанавливает на некоторое время деятельность разума, лишает нас способности управлять движениями нашего тела и в заключение погружает в глубокий сон; правда, нужно признать, что от такого сна мы просыпаемся всегда больными и удрученными и что употребление этой влаги рождает в нас всякие недуги, делает нашу жизнь несчастной и сокращает ее.

31. Но он не мог допустить, чтобы природа, все произведения которой совершенны, способна была возвращать в нашем теле болезни, и пожелал узнать причину этого непостижимого бедствия.
32. Он обратил мое внимание на то, что среди гуингнмов белые, гнелые и темно-серые хуже сложены, чем серые в яблоках, караковые и вороные; они не обладают такими природными дарованиями и в меньшей степени поддаются развитию; поэтому всю свою жизнь они остаются в положении слуг, даже и не мечтая о лучшей участи, ибо все их притязания были бы признаны здесь противоестественными и чудовищными.
33. слабое болезненное тело, худоба и землистый цвет лица служат верными признаками благородной крови, здоровое и крепкое сложение считается даже бесчестьем для человека знатного, ибо при виде такого здоровяка все тотчас заключают, что его настоящим отцом был конюх или кучер. Недостатки физические находятся в полном соответствии с недостатками умственными и нравственными, так что люди эти представляют собой смесь хандры, тупоумия, невежества, самодурства, чувственности и спеси.
34. Равным образом, следуя его примеру, я воспитал в себе глубокую ненависть ко всякой лжи и притворству, и истина стала мне столь любезной, что ради нее я решил пожертвовать всем.
35. Но судьба, мой вечный враг, постановила не отпускать на мою долю столь великого счастья.
36. Ибо есть разве живое существо, которое не питало бы слабости и не относилось бы пристрастно к месту своего рождения?
37. пришел к заключению, что мы являемся особенной породой животных, наделенных благодаря какой-то непонятной для него случайности крохотной частицей разума, каковым мы пользуемся лишь для усугубления прирожденных нам пороков и для приобретения новых, от природы нам несвойственных.
38. Заглушая в себе многие дарования, которыми наделила нас она, мы необыкновенно искусны по части умножения наших первоначальных потребностей и, по-видимому, проводим всю свою жизнь в суетных стараниях удовлетворить их при помощи изобретенных нами средств.
39. Существование у нас правительства и законов, очевидно, обусловлено большим несовершенством нашего разума, а следовательно, и добродетели; ибо для управления разумным существом достаточно одного разума.
40. Под его влиянием они то целуются, то дерутся, режут, гримасничают, что-то лопочут, выписывают мыслете, спотыкаются, падают в грязь и засыпают.
41. гниеху, то есть болезнь еху; средством от этой болезни является микстура из кала и мочи этих животных, насильно вливаемая больному еху в глотку. По моим наблюдениям, лекарство это приносит большую пользу, и в интересах общественного блага я смело рекомендую его моим соотечественникам как превосходное средство против всех недомоганий, вызванных пресыщением.
42. По его словам, иногда еху приходит фантазия забиться в угол, лечь на землю, выть, стонать и гнать от себя каждого, кто подойдет, несмотря на то что такие еху молоды, упитаны и не нуждаются ни в пище, ни в питье; слуги никак не могут взять в толк, что с ними такое. Единственным лекарством против этого недуга является тяжелая работа, которая неизменно приводит пораженного им еху в нормальное состояние. На этот рассказ я ответил молчанием из любви к моим соотечественникам, хотя для меня очевидно, что описанное состояние есть зачаток хандры — болезни, которую страдают обыкновенно только лентяи, сластолюбцы и богачи и от которой я взялся бы их вылечить, подвергнув режиму, применяемому в таких случаях гуингнмами.
43. Быть может, мой хозяин немного пересолит в этих выводах из собственных наблюдений или из рассказов, слышанных от других; однако я не мог не прийти к несколько курьезному и очень прискорбному заключению, что зачатки разврата, кокетства, придиричивости и злословия прирождены всему женскому полу.
44. Я все ожидал услышать от моего хозяина обвинение еху в противоестественных наклонностях, которые так распространены у нас среди обоих полов. Однако природа, по-видимому, малоопытный наставник в этих утонченных наслаждениях, и они целиком порождены искусством и разумом на нашей части земного шара.

45. Так как благородные гуингнмы от природы одарены общим предрасположением ко всем добродетелям и не имеют ни малейшего понятия о том, что такое зло в разумном существе, то основным правилом их жизни является совершенствование разума и полное подчинение его руководству. Для них разум не является, как для нас, инстанцией проблематической, снабжающей одинаково правдоподобными доводами за и против; наоборот, он действует на мысль с непосредственной убедительностью, как это и должно быть, когда он не осложнен, не затемнен и не обесцвечен страстью и интересом. Я помню, какого труда стоило мне растолковать моему хозяину значение слова мнение или каким образом утверждение может быть спорным; ведь разум учит нас утверждать или отрицать только то, в чем мы уверены, а чего не знаем, того не вправе ни утверждать, ни отрицать. Таким образом, споры, пререкания, прения и упорное отстаивание ложных или сомнительных положений суть пороки, неизвестные гуингнмам.
46. Равным образом, когда я попытался разъяснить ему наши различные системы естественной философии, он засмеялся и выразил недоумение, каким образом существо, притязующее на разумность, может вменять себе в заслугу знание домыслов других существ, притом относительно вещей, где это знание, даже если бы оно было достоверно, не могло бы иметь никакого практического значения. В этом отношении мысли его вполне согласовались с изречениями Сократа, как они переданы Платоном, и мне кажется, что, упоминая об этом, я оказываю величайшую честь царю философов. С тех пор я часто думал, какие опустошения произвела бы эта доктрина в библиотеках Европы и сколько путей к славе было бы закрыто для ученого мира.
47. Такая предосторожность является необходимою, чтобы предохранить страну от перенаселения. Но гуингнмы низшей породы не так строго ограничены в этом отношении; им разрешается производить по три детеныша обоего пола, которые становятся потом слугами в благородных семьях.
48. При заключении браков гуингнмы тщательно заботятся о таком подборе мастей супругов, чтобы были предотвращены неприятные сочетания красок у потомства. У самца ценится по преимуществу сила, а у самки миловидность — ценится не в интересах любви, а ради предохранения расы от вырождения; поэтому, если случится, что самка отличается силой, то при выборе ей супруга обращают внимание прежде всего на красоту.
49. эта пара начала размножаться, и ее потомство скоро стало так многочисленно, что наводнило и загадило всю страну;
50. У гуингнмов нет письменности, и поэтому все их знания сохраняются путем предания. Но так как в жизни народа, столь согласного, от природы расположенного ко всяческой добродетели, управляемого исключительно разумом и отрезанного от всякого общения с другими нациями, происходит мало сколько-нибудь важных событий, то его история легко удерживается в памяти, не обременяя ее.
51. Стихи их изобилуют обоими качествами, и темой их является либо возвышенное изображение дружбы и доброжелательства, либо восхваление победителей на бегах или в других телесных упражнениях.
52. Если не происходит несчастного случая, гуингнмы умирают только от старости, и их хоронят в самых глухих и укромных местах, какие только можно найти.
53. Никто лучше меня не познал истинности двух афоризмов: «природа довольствуется немногим», и «нужда — мать изобретательности».
54. Обычными темами ее являлись дружба и доброжелательство, порядок и благоустройство; иногда — видимые явления природы или преданья старины; пределы и границы добродетели, непогрешимые законы разума или какие-либо постановления, которые предстояло принять на ближайшем большом собрании; часто также различные красоты поэзии.
55. Когда я думал о моей семье, моих друзьях и моих соотечественниках или о человеческом роде вообще, то видел в людях, в их внешности и душевном складе то, чем они были на самом деле, — еху, может быть, несколько более цивилизованных и наделенных даром слова, но употребляющих свой разум только на развитие и умножение пороков, которые присущи их братьям из этой страны лишь в той степени, в какой их наделила ими природа. Когда мне

- случалось видеть свое отражение в озере или в ручье, я с ужасом отворачивался и наполнялся ненавистью к себе; вид обыкновенного еху был для меня выносимее, чем вид моей собственной особы.
56. Я должен обратить внимание читателя, что постановления генерального собрания этой страны называются здесь «гнглоайн», что в буквальном переводе обозначает «увещание», ибо гуигнгнмы не понимают, каким образом разумное существо можно принудить к чему-нибудь; можно только советовать ему, увещавать его; и кто не повинуется разуму, тот не вправе притязать на звание разумного существа.
57. Я сказал ему, что постараюсь сохранить постылую жизнь, и если возвращусь в Англию, то питаю надежду принести пользу своим соотечественникам, восхваляя достославных гуигнгнмов и выставляя их добродетели как образец для подражания человеческого рода.
58. Намерением моим было открыть, если удастся, какой-нибудь необитаемый островок, где бы я мог добывать средства к существованию собственным трудом; подобная жизнь больше прельщала меня, чем пост первого министра при самом лощеном европейском дворе: столь ужасной казалась мне мысль возвратиться в общество еху и жить под их властью. Ибо в желанном мною уединении я мог, по крайней мере, размышлять о добродетелях неподражаемых гуигнгнмов, не подвергаясь опасности снова погрязнуть в пороках и разврате моего племени.
59. Это утвердило меня в давнишнем моем мнении, что карты помещают эту страну, по крайней мере, градуса на три восточнее, чем она лежит в действительности; много лет тому назад я высказал это предположение моему уважаемому другу мистеру Герману Моллю, подкрепив его рядом доводов, но он предпочел следовать мнению других авторитетов.
60. Он говорил так трогательно и убедительно, что мало-помалу я согласился обращаться с ним как с животным, наделенным малыми крупными разумом.
61. В благодарность капитану я иногда уступал его настоятельным просьбам и соглашался посидеть с ним, стараясь не обнаруживать неприязни к человеческому роду; все же она часто прорывалась у меня, но капитан делал вид, что ничего не замечает.
62. Страх мой постепенно уменьшался, но ненависть и презрение к людям как будто возрастали.
63. Жена и дети встретили меня с большим удивлением и радостью, так как они давно считали меня погибшим; но я должен откровенно сознаться, что вид их наполнил меня только ненавистью, отвращением и презрением, особенно когда я подумал о близкой связи, существовавшей между нами. Ибо хотя со времени моего злополучного изгнания из страны гуигнгнмов я принудил себя выносить вид еху и иметь общение с доном Педро де Мендес, все же моя память и воображение были постоянно наполнены добродетелями и идеями возвышенных гуигнгнмов. И мысль, что благодаря соединению с одной из самок еху я стал отцом еще нескольких этих животных, наполняла меня величайшим стыдом, смущением и отвращением.
64. Как только я вошел в дом, жена заключила меня в объятия и поцеловала меня; за эти годы я настолько отвык от прикосновения этого гнусного животного, что не выдержал и упал в обморок, продолжавшийся больше часу. Когда я пишу эти строки, прошло уже пять лет со времени моего возвращения в Англию. В течение первого года я не мог выносить вида моей жены и детей; даже их запах был для меня нестерпим; тем более я не в силах был садиться с ними за стол в одной комнате. И до сих пор они не смеют прикасаться к моему хлебу или пить из моей чашки, до сих пор я не могу позволить им брать меня за руку. Первые же свободные деньги я истратил на покупку двух жеребцов, которых держу в прекрасной конюшне; после них моим наибольшим любимцем является конюх, так как запах, который он приносит из конюшни, действует на меня самым оживляющим образом. Лошади достаточно хорошо понимают меня; я разговариваю с ними, по крайней мере, четыре часа ежедневно. Они не знают, что такое узда или седло, очень ко мне привязаны и дружны между собою.
65. Нам, путешественникам в далекие страны, редко посещаемые англичанами или другими европейцами, нетрудно сочинить описание диковинных животных, морских и сухопутных. Между тем главная цель путешественника — просвещать людей и делать их лучшими,

совершенствовать их умы как дурными, так и хорошими примерами того, что они передают касательно чужих стран.

66. Я отлично знаю, что сочинения, не требующие ни таланта, ни знаний и никаких вообще дарований, кроме хорошей памяти или аккуратного дневника, не могут особенно прославить их автора. Мне известно также, что авторы путешествий, подобно составителям словарей, погружаются в забвение тяжестью и величиной тех, кто приходит им на смену и, следовательно, ложится поверх. И весьма вероятно, что путешественники, которые посетят впоследствии страны, описанные в этом моем сочинении, обнаружив мои ошибки (если только я их совершил) и прибавив много новых открытий, отгеснят меня на второй план и сами займут мое место, так что мир позабудет, что был когда-то такой писатель. Это доставило бы мне большое огорчение, если бы я писал ради славы; но так как моей единственной заботой является общественное благо, то у меня нет никаких оснований испытывать разочарование.
67. В самом деле, кто способен читать описанные мной добродетели славных гуингнмов, не испытывая стыда за свои пороки, особенно если он рассматривает себя как разумное, господствующее животное своей страны?
68. Но я не буду больше распространяться на эту тему и предоставлю рассудительному читателю самому делать заключения и выводы.
69. Немалое удовольствие доставляет мне уверенность, что это произведение не может встретить никаких упреков. В самом деле, какие возражения можно сделать писателю, который излагает одни только голые факты, имевшие место в таких отдаленных странах, не представляющих для нас ни малейшего интереса ни в торговом, ни в политическом отношении? Я всячески старался избегать промахов, в которых так часто справедливо упрекают авторов путешествий. Кроме того, я не смотрю на вещи с точки зрения какой-нибудь партии, но пишу беспристрастно, без предубеждений, без зложелательства к какому-нибудь лицу или к какой-нибудь группе лиц. Я пишу с благороднейшей целью просветить и наставить человечество, над которым, не нарушая скромности, я вправе притязать на некоторое превосходство благодаря преимуществам, приобретенным мной от долгого пребывания среди таких нравственно совершенных существ, как гуингнмы. Я не рассчитываю ни на какие выгоды и ни на какие похвалы. Я не допускаю ни одного слова, которое могло бы быть сочтено за насмешку или причинить малейшее оскорбление даже самым обидчивым людям. Таким образом, я надеюсь, что с полным правом могу объявить себя писателем совершенно безупречным, у которого никогда не найдут материала для упражнения своих талантов племена возражателей, обозревателей, наблюдателей, порицателей, ищек и соглядатаев.
70. Но вместо предложения планов завоевания этой великодушной нации я предпочел бы, чтобы они нашли возможность и согласились послать достаточное количество своих сограждан для цивилизации Европы путем научения нас первоосновам чести, справедливости, правдивости, воздержания, солидарности, мужества, целомудрия, дружбы, доброжелательства и верности. Имена этих добродетелей удержались еще в большинстве европейских языков, и их можно встретить как у современных, так и у древних писателей.
71. Например: буря несет шайку пиратов в неизвестном им направлении; наконец юнга открывает с верхушки мачты землю; пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбойничеством; они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием; дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве образца, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву.
72. При первой возможности туда посылают корабли; туземцы либо изгоняются, либо истребляются, князей их подвергают пыткам, чтобы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для совершения любых бесчеловечных поступков, для любого распутства, земля обгаряется кровью своих сынов. И эта гнусная шайка мясников, занимающаяся столь благочестивыми делами, образует современную колонию, отправленную для обращения в христианство и насаждения цивилизации среди дикарей-идолопоклонников. Но это описание, разумеется, не имеет никакого касательства к британской нации, которая может служить

примером для всего мира благодаря своей мудрости, заботливости и справедливости в насаждении колоний; своим высоким духовным качествам, содействующим преуспеянию религии и просвещения; подбору набожных и способных священников для распространения христианства; осмотрительности в заселении своих провинций добропорядочными и воздержанными на язык жителями метрополии; строжайшему уважению к справедливости при замещении административных должностей во всех своих колониях чиновниками величайших дарований, совершенно чуждыми всякой порочности и продажности; и — в увенчание всего — благодаря назначению бдительных и добродетельных губернаторов, горячо пекущихся о благоденствии вверенного их управлению населения и блюдущих честь короля, своего государя.

73. спор может возникнуть лишь по отношению к двум еху, которых, по преданию, видели много веков тому назад на одной горе в Гуигнгнмии и от которых, по тому же преданию, произошел весь род этих гнусных скотов; эти двое еху были, должно быть, англичане, как я очень склонен подозревать на основании черт лица их потомства, хотя и очень обезображенных.
74. я окончательно прощаюсь со всеми моими любезными читателями и удаляюсь в свой садик в Редрифе наслаждаться размышлениями, осуществлять на практике превосходные уроки добродетели, преподанные мне гуигнгнмами, просвещать еху моей семьи, насколько эти животные вообще поддаются воспитанию, почаще смотреть на свое отражение в зеркале и, таким образом, если возможно, постепенно приучить себя выносить вид человека; сокрушаться о дикости гуигнгнмов на моей родине, но всегда относиться к их личности с уважением ради моего благородного хозяина, его семьи, друзей и всего рода гуигнгнмов, на которых наши лошади имеют честь походить по своему строению, значительно уступая им по своим умственным способностям.
75. Мне было бы гораздо легче примириться со всем родом еху, если бы они довольствовались теми пороками и безрассудствами, которыми наделила их природа. Но когда я вижу кучу уродств и болезней как физических, так и духовных, да в придачу к ним еще гордость, — терпение мое немедленно истощается; я никогда не способен буду понять, как такое животное и такой порок могут сочетаться.
76. да и вообще язык их не содержит вовсе терминов, выражающих что-нибудь дурное, кроме тех, при помощи которых они описывают гнусные качества тамошних еху; среди них они, однако, не могли обнаружить гордости вследствие недостаточного знания человеческой природы, как она проявляется в других странах, где это животное занимает господствующее положение. Но я благодаря моему большому опыту ясно различал некоторые зачатки этого порока среди диких еху.
77. Однако гуигнгнмы, живущие под властью разума, так же мало гордятся своими хорошими качествами, как я горжусь тем, что у меня две руки; ни один человек, находясь в здравом уме, не станет кичиться этим, хотя и будет очень несчастен, если лишится одной из них. Я так долго останавливаюсь на этом предмете из желания сделать, по мере моих сил, общество английских еху более переносимым; поэтому я очень прошу лиц, в какой-нибудь степени запятнанных этим нелепым пороком, не отваживаться попадаться мне на глаза.

Конец текста